

КАСАТКИ

Ласточка с весною
В сени к нам летит.
А. Плещеев

Купите небольшую избу в какой-нибудь богом забытой деревеньке, и весной вы почувствуете все очарование детского стиха:

*– Травка зеленеет,
Солнышко блестит;
Ласточка с весною
В сени к нам летит.*

Ласточки прилетят к вам, обязательно прилетят и поселятся в вашем доме, может быть и в сенях. Только не закрывайте их. Так поступают многие жители деревень. Ласточки почувствуют, что в доме люди. В брошенной избе они не селятся. Это касатки. Они не будут вас бояться. Только не гоняйте их по глупости, не пугайте.

Наши касатки появились первой же весной и свили себе гнездо между полоской коры, свисавшей от верхнего бревна стропил сеновала, и самим бревном. Залетать и улетать им приходилось довольно сложно. Сеновал представлял собою сруб, смыкавшийся с избой. Дверь в него была боковая. Они влетали прямо в дверь или верхнюю довольно широкую щель над нею с громадной скоростью на пикировании, и у внутренней стенки сеновала резко почти под прямым углом разворачивались к гнезду.

Такой пилотаж не смущал их. Большая сложность такого виража представлялась только нам, людям. А для них это было просто. Гоняясь за мошками и комарами, они набивали ими полный рот, чтобы принести корм птенцам. При этом им приходилось выделять сложные пируэты. В общем, они выбрали это место и вывели птенцов. Для них началась активная жизнь, вся в заботах и переживаниях.

Мы не уставали любоваться ими. Касатки летали над полем и деревьями, а потом как бы вдруг входили в пологое пике и с невероятной точностью попадали в открытую дверь, ведущую в сеновал. Причём всегда делали это по очереди. Одна вылетает, другая влетает. Смотреть на них можно было бесконечно. Нам даже казалось, что они красуются перед нами своей ловкостью и удачью. Как будто им доставляло удовольствие, что мы смотрим на них и

восхищаемся. Между ними и нами возникала какая-то невидимая связь, какое-то понимание друг друга. Это было здорово.

Птенцы подросли. Вначале они допархивали до жёрдочки внутри сени. Рассаживались на ней и молча сидели, прижавшись друг к другу. Иногда мы тихонько подходили к этому «наседу», и тогда могли разглядывать их. Хотелось погладить эти прекрасные создания, но мы не решались, боясь спугнуть это чудо. Потом они стали вылетать на волю. Даже садились на бельевую веревку, смешно и неуклюже раскачиваясь на ней. Позже мы видели их уже на электрических проводах. Здесь собиралось довольно много таких молодых ласточек со своими родителями. Любопытно было наблюдать, как взрослые учили своих детей летать – ставили на крыло. Взрослые показывали. Дети смотрели. И потом повторяли урок. Вначале ласточки делали маленькие круги, почти тут же садясь обратно на провода. Потом круги увеличивались. И, наконец, они начали летать, как взрослые. И вот их не стало. Они улетели до следующей весны. Гнездо опустело.

Новой весной мы уже ждали их. И сколько было радости, когда пара касаток вновь заняла старое гнездо. Всё стало повторяться. Мы ждали – они прилетали, и вновь наш дом и небо вокруг него наполнялись движением и жизнью. К концу лета они улетали. Мы уже не так грустили как первый раз. Были уверены, они вернутся. Так повторялось несколько лет. Они стали частью нашей летней жизни.

Через несколько лет у нас появились два молодых кота. Зимой, под новый год в городе нам кто-то подбросил их, как праздничный подарок. Около почтового ящика на первом этаже я, проверяя почту, обнаружил закрытую чистую небольшую коробку и подумал, что она пригодится в доме, особенно в деревне. Принёс её в квартиру, открыл иО, Боже!... в ней оказалось два крохотных совершенно рыжих существа. Это были махонькие котята. Они крепко спали. Когда мы их вынули, оказалось, что они уже не слепые, могут бегать, резвиться и, самое главное, способны есть молочко и вообще принимать пищу из блюдечка.

Это были очень красивые создания. Один был коренастым и светлого оттенка. Мы назвали его Васькой. Второй напоминал тигра. Тёмно-рыжий с

плотными рыжими же полосками, длинноногий и статный красавец. Ему подошло имя Гришка.

За зиму Васька и Гришка подросли, и мы взяли их в нашу Берендеевку. Вначале они просто ошалели от воздуха, зелени и полной свободы. Прыгали за бабочками, гонялись за кем-то в траве, пугались больших лягушек, шарахались от незнакомых звуков, обнюхивали весь дом, бродили в мастерской, дровянике, сеновале. В избу практически не заходили. Стали дичать и вести себя самостоятельно. Потом они начали проявлять интерес к нашим касаткам. Залезали на верхнее бревно внутреннего сруба сеновала и норовили лапами сбить ласточку, летевшую к гнезду на крутом повороте к нему. Конечно, ласточки оставались неуязвимыми. Их ловкость и скорость намного превосходили агрессивную реакцию котов. Но коты пугали их и вызывали беспокойство своим присутствием и подкарауливанием на бревне, тем более, что ласточкам приходилось очень близко пролетать около них. Я думаю, в основном касатки боялись не за себя, а за своих птенчиков. Конечно, мы котов гоняли, но это мало помогало. Они приходили на свои позиции вновь и вновь и караулили, караулили и ждали момента удачи для себя.

И вот, когда такие игры касаткам очень надоели, они пошли в атаку. Как-то к вечеру наши Васька и Гришка вышли охотиться на лужайку напротив открытой двери на сеновал. Надо сказать, что это было прелюбопытнейшее зрелище. Они вытягивались на лапах в столбик и вертели головой, вслушиваясь в звуки у земли. Потом вдруг прыгали на всех четырёх лапах в невидимую цель. Мы всё это наблюдали с нашей высокой веранды, замирая вместе с котами. Но я ни разу не заметил, чтобы коты кого-то поймали. Они были ещё очень молодыми и неопытными охотниками. Но когда Васька и Гришка делали ловчую стойку, прижимаясь всем телом к траве, для них ничего не существовало кроме шорохов.

И вот в такой момент одна из ласточек на низком пике стремительно вылетела из открытых в сеновал дверей, с колоссальной скоростью пронеслась над Гришкиным ухом, чуть задев его, и громко пискнула. Гришка от неожиданности и ужаса в страхе прижался к земле, забыв про всякую охоту. Он ещё не успел придти в себя, как вторая касатка проделала с ним такой же трюк. Коты в панике бросились бежать. Мы от души хохотали. Поделом вам разбойники! Не приставайте к нашим ласточкам!

Не знаю, сколько это состязание в ловкости могло бы продолжаться, но на беду ласточек случилось несчастье. Лето было очень жарки и сухим. Оторвалась полоска коры, к которой было прилеплено гнездо. Вместе с птенцами оно упало на сено. Касатки раскричались истошным писком и бешено летали под крышей сеновала. В сене орали птенцы. Когда мы услышали этот переполох, мы бросились выяснять, что произошло. Но было во многом уже поздно. Нашли мы только двух птенчиков и куски гнезда. Пришлось взять детскую полиэтиленовую корзиночку и прикрепить её на гвозде под верхним бревном крыши, где когда-то находился домик наших касаток. Немного наклонив корзиночку, мы положили туда остатки гнезда и выживших двух птенчиков. И ушли в сени наблюдать. Птенцы от голода и страха истошно кричали. Касатки немного успокоились и стали подлетать к корзиночке, в которой сидели теперь только два их птенчика. Вначале ласточки очень боялись. Корзинка их пугала. Но птенцы неистово пищали, чувствуя приближение родителей. Сердечко матери не выдержало и она первая села на краешек нового и необычного для неё дома. Всё стало хорошо и мы, успокоившись, пошли в избу.

Пришло время, и птенчики подросли. Они покинули своё новое гнездо и подолгу сидели на жёрдочке у лесенки в сеновал. Мы, как и раньше, могли их внимательно рассматривать, подходя вплотную. Они были очень крупными, особенно выделялся один птенец. Вера назвала его Толстая Ласточка. Он намного превосходил размерами своих родителей. Конечно, родители кормили птенцов, как говорят, на убой. Ведь вначале птенцов было пять. Этих двух и кормили как пятерых. Далее всё прошло по-прежнему. Потомство ставили на крыло и к концу лета они улетели.

На следующий год мы не знали, поселятся ли у нас ласточки. К нашей радости они прилетели снова. И это была наша Толстая ласточка. Именно она поселилась в старой корзинке. Это было здорово. Значит, она помнила свой дом, также как мы помнили её. Всё стало повторяться. Но через два года это закончилось, несмотря на то, что не было уже наших котов. Они пропали где-то в лесу.

Новые поколения касаток не захотели у нас селиться, хотя одна касатка прилетала и осматривала гнездо. Она звала подругу, показывала её возможную

обитель, может быть, что-то и рассказывала ей. Но не убедила. И семья не состоялась.

Потом несколько лет никого не было. Наконец, последним летом, когда мы очистили сеновал от сена, сняли стекло на окошке, совсем сменив «интерьер», ласточки появились вновь. Скорей всего это были уже другие касатки. Они свили новое гнездо. Сеновал снова стал их домом. Все началось сызнова.